

СТРАНСТВУЯ ПО ПРОЖИТЫМ ГОДАМ...

Профессор д.б.н. Н.А.Павловская, ученица Марии Дмитриевны Швайковой.

"Моя дорогая Мария Дмитриевна! Много лет прошло как я узнала Вас, много лет как Вас уже нет с нами, а память о Вас живет в моем сердце и сердцах многих из тех, кто знал Вас.

Вы были как родник со свежей чистой водой. Я помню Вашу добрую и мудрую улыбку, седые волнистые волосы, полную фигуру, благородное красивое лицо.

Меня всегда подкупала Ваша честность и порядочность, доброжелательность и требовательность.

Вы были ученым высочайшего класса и не только ученым, но и учителем, воспитателем таких "слепых котят", какими приходили к Вам мы, бывшие студенты.

Вы постепенно, методично и очень чутко шлифовали нас. Я помню, что только введение к диссертации мне пришлось переделывать шесть раз. После каждого Вашего просмотра и замечаний я плакала от досады на свое неумение, но все-таки переделывала.

Вы постоянно учили нас творческому процессу, учили очень тщательно и дотошно относиться к нашим экспериментам и методично вели вперед. Вы всегда учили не забывать и исторические корни науки, которой посвятили свою жизнь – токсикологической химии.

Даже свой отпуск Вы посвящали нам. Я помню, как не раз сидела у Вас на даче, и мы вместе правили текст моей диссертации.

Вы создавали своим присутствием особую атмосферу доброжелательности и требовательности, честности и порядочности, а на кафедре всегда была дружная, спокойная творческая атмосфера.

Я помню, что Вас уважали все сотрудники института, а что касается меня, то я Вас просто любила.

Если у кого-то из сотрудников кафедры случалось несчастье, Вы всегда приходили на помощь. Когда погиб мой ребенок во время родов, Вы прислали мне теплую записку, которая согревает меня и сейчас. Я ее храню до сих пор. Вы живо интересовались моей судьбой и после защиты диссертации, стали оппонентом по моей докторской работе, приглашали на кафедру, и мы встречались, хоть и не часто.

Книги, изданные Вами по судебной химии, приносят и сейчас пользу людям.

Вы стойко держались, когда были уже серьезно больны. Даже в больнице в раковом корпусе Вы находили силы шутить...".

Доцент к.ф.н. Родионова Г.М., аспирантка кафедры токсикологической химии 1973-1976 гг., ученица Марии Дмитриевны Швайковой.

"Большим ученым может стать всякий. Для большого ученого достаточно большого дара познания. Для великого – самого большого дара – мало, нужен равноценный дар личности: ума, души, воли и устремление этого целого к определенной цели.

Для меня Мария Дмитриевна была великим ученым, педагогом, человеком.

Опуская огромные заслуги Марии Дмитриевны перед токсикологическим сообществом, хочется вспомнить её как человека.

Необыкновенная доброта, чуткость, внимание к окружающим и простота в общении были основными чертами Марии Дмитриевны.

Когда К.П. Лапина (завуч кафедры) обратилась к ней с просьбой "поставить на вид" лаборантам кафед-

ры, курившим на лестнице, Мария Дмитриевна, вызвав провинившихся, с добрым, понимающим взглядом сказала: "Ксения Петровна уже сделала Вам замечание, пожалуйста, не курите больше на лестнице!"

Талантливый человек талантлив во всем. Она с огромным вкусом и изыском вязала, нежно и трогательно любила своих внуков, а когда младшего внука не с кем было оставить дома, брала его на работу, и он целый день играл у нее в кабинете, вызывая умиление и восторг всех проходящих.

Мария Дмитриевна являлась кристальной чашей женской и человеческой мудрости, проявляла огромный интерес и внимание к каждому члену кафедры. Когда мы с мужем в 1975 году получили квартиру, она, несмотря на возраст, трудности переездов, с большим желанием приехала вместе с сотрудниками на наш праздник. Это забыть невозможно! И сегодня, рассказывая студентам о наших учителях, я, в первую очередь, вспоминаю неповторимую Марию Дмитриевну".

Судебно-медицинский эксперт Л.А. Россинская, ученица М.Д. Швайковой.

"Возможно, небесное созвездие "Весы", под которым я рождена, подвигло меня к наукам, в символах которых обозначены весы: фармации, медицине, юстиции. Мне, в свое время, посчастливилось стать студенткой фармацевтического факультета I МОЛМИ им. И.М. Сеченова.

На кафедру судебной (ныне токсикологической) химии, которую возглавляла М.Д. Швайкова, наш курс пришел в 1964 году. У нас за спиной уже был багаж знаний, полученный на кафедрах: физиологии, анатомии, ботаники, фармакогнозии, органической и неорганической химии, аналитической и фармацевтической химии, фармакологии и других дисциплин, который мы познавали из уст корифеев наук: П. К. Анохина, А. Р. Жебрака, М. М. Шемякина, Б. Н.

Степаненко, П. Л. Сенова, Г. А. Мелентьевой, А. Н. Кудрина и других профессоров. Только знания этих дисциплин позволяли подойти к изучению такой науки, как судебная химия.

Мудрые лекции Марии Дмитриевны, ее личностное обаяние, практические занятия с преподавателями А.М. Беловой и Б.Н. Изотовым подводили итоги нашим знаниям. Здесь, на этой кафедре, я ощутила зрелость полученных в институте знаний и, в тайне от себя, решила стать судебным химиком. Мечта сбылась. В 1968 году я вступила в должность врача, судебно-медицинского эксперта, судебного химика-аналитика 89 Судебно-медицинской лаборатории Закавказского военного округа.

EXPERTUS, в переводе с латинского – знающий. А судебным экспертам о, как нужны знания! На протяжении всей экспертной деятельности я продолжаю пополнять и обогащать свои знания на курсах усовершенствования (каждые 5 лет) на кафедре нынешней токсикологической химии моей ALMA MATER.

Я помню слова А.В. Степанова, что «всякое судебно-химическое исследование является по существу научным исследованием и отличается от чисто научного исследования только меньшей широтой заключения, касающегося лишь отдельного частного случая». За 36 лет экспертной деятельности мною проведено более 5000 экспертиз, и ни одна из них не была опротестована. Так что я имею честь с благодарностью посвятить свой скромный труд эксперта доброй памяти М.Д. Швайковой".

Почетный профессор ММА им. И.М. Сеченова д.ф.н. П.В. Лопатин.

"Когда я был студентом (1948-1952 гг.) кафедру Судебной химии возглавляла Мария Дмитриевна Швайкова.

Она была главным судебным химическим экспертом и на лекциях часто рассказывала нам о бытовых случаях отравлений. Помню, с каким интересом мы слушали её рассказы. Многие из нас хотели быть судебными химиками, но, в конце концов, реализовали свою мечту всего лишь несколько человек.

Спустя многие годы после окончания института и работы в аптечных учреждениях города Москвы, уже защитив кандидатскую диссертацию и перейдя

во Всесоюзный онкологический научный центр АМН СССР, я столкнулся с необходимостью проведения фармакокинетических исследований противоопухолевых лекарственных средств, и все знания, которые я получил на кафедре судебной химии, мне пригодились. В это время уже вошли в практику новые методы индикации и количественного определения веществ в биологических жидкостях, органах, тканях и клетках. Но знания и навыки в области судебной химии, заложенные в период обучения, послужили хорошей основой для моих исследований.

Вспоминаю весь коллектив кафедры судебной химии, который работал самоотверженно и с большим энтузиазмом. Практические задания требовали порой многих часов работы по выделению токсических веществ из трупного биологического материала. Но все было организовано очень точно, а интерес к работе у нас был большой.

Хотелось бы отметить некоторых преподавателей этой кафедры, которые вели специальные учебные курсы – Быстрова Сергея Петровича и, особенно, Новикову Анастасию Андреевну. Анастасия Андреевна в то время была деканом и секретарем партийной организации, поэтому мы её очень хорошо знали и уважали. Уже после ухода на пенсию она долгие годы возглавляла Совет ветеранов, много сил отдавала этой работе. Каждый из ветеранов факультета знал, Анастасия Андреевна первая поздравит его с днем рождения.

Даже и этот факт говорит о той душевной товарищеской атмосфере, которая была создана на кафедре Марией Дмитриевной Швайковой.

В нашей памяти Мария Дмитриевна осталась, как выдающийся российский ученый мирового класса, человек необыкновенно доброжелательный, тактичный, заботливый, внимательный и блестящий педагог.

М.Д. Швайкова с сотрудниками и учениками, (нижний ряд слева направо: В.М. Швердяева, М.Д. Швайкова, А.В. Белова)

Борис Николаевич Степаненко. ...Это целая эпоха в становлении фундаментального химического образования будущих провизоров. Борис Николаевич был одним из самых любимых и уважаемых нами лекторов. Он умел захватить аудиторию, преподнести даже самый сложный материал в очень доступной для студентов форме, блестяще использовал доску, быстро и аккуратно записывая на ней сложные химические реакции.

Борис Николаевич был видным ученым химиком-органиком международного класса. Хотя мы, студенты, только осваивали азы органической химии, но интуитивно чувствовали огромную эрудицию и кругозор нашего профессора, его высокий научный потенциал.

В напряженные послевоенные годы Борис Николаевич сумел сформировать на кафедре замечательный

творческий коллектив сотрудников.

Вспоминаю мою преподавательницу Ольгу Григорьевну Сердюк. Ей удалось привить мне интерес к органической химии, и под её руководством я осуществил первый учебный синтез метилоранжа. Продукт получился удивительного цвета червонного золота, символизируя отношение студентов к замечательной кафедре, возглавляемой Борисом Николаевичем.

Впоследствии, работая во Всесоюзном онкологическом научном центре АМН СССР, я многократно встречался с Борисом Николаевичем и познакомился с его научными открытиями, теоретическими и практическими разработками в области биоорганической химии, поиска новых лекарственных средств.

И тогда я еще более стал ценить Бориса Николаевича как ученого, педагога и гражданина".

Профессор Б.Н. Степаненко и сотрудники кафедры органической химии (стоят слева направо: В.В. Зеленкова, Э.М. Казьмина, Н.И. Калетина) среди слушателей ФПК преподавателей: зав. курсами органической и токсикологической химии фармацевтических вузов СССР, 1973год.

Профессор д.б.н. Н.И. Калетина, профессор, д.ф.н. Э.М. Казьмина, доцент к.х.н. В.В. Зеленкова, доцент к.ф.н. О.Г. Сердюк, ученики и сотрудники Бориса Николаевича Степаненко.

"Б.Н. (мы всегда его так называли) умел и любил писать, писал очень быстро. Кто-то удивился вслух: "Как быстро Вы пишете!", Б.Н. ответил: "Мне всегда пишется легко". Его книги были написаны четким понятным языком, по ним хотелось учиться.... Мы и учились с любовью и радостью.

1962 год, только что начались занятия в новом химическом корпусе, кафедра органической химии переехала в Измайлово. Первая лекция. Аудитория полна студентами. По проходу быстро идет высокий статный мужчина, на нем элегантный темно-синий в полоску костюм, белоснежная сорочка и красивый галстук. Голова его абсолютно седая. Мужчина легко поднимается на кафедру, поворачивается к слушателям. К студентам был обращен взгляд сияющих молодых синих глаз, взгляд, который завораживал и добровольно заставлял им подчиниться. Зал восхищенно (на 90% женский коллектив) замер. Среди тишины вдруг раздался громом шепот студентки Люды К.: "Как ему идет темный костюм». Известный ученый, заведующий кафедрой, 52-х летний мужчина – Б.Н. Степаненко, приложив руку к сердцу, вежливо и молча поклонился в сторону Люды, и спокойно начал лекцию. Незначительный эпизод? Но в нем пример отношения и уважения к людям. По уровню своих энциклопедических знаний, интеллекта и культуры, Б.Н. так ВЫСОКО отстоял от нас всех, однако он всегда умел выстроить уважительные, располагающие и доверительные отношения, но никогда – подобоострастные. Умением создать вокруг себя среду из фанатически преданных науке лю-

---

дей, уважением и любовью он собирал коллектив единомышленников, где не было любимчиков, но были строгие правила иерархии, и тем не менее царилась свобода личности и справедливость. Молодежь росла, с одной стороны, в полной творческой свободе, с пониманием значимости своей работы и ответственности за ее выполнение, с другой, – всегда знала, что далеко не бесконтрольна, что за любое нарушение спросят по всей строгости. И Б.Н. умел это делать... Его воспитательные приемы, всегда разные и индивидуально направленные, каждый из нас с благодарностью вспоминает. Б.Н. всегда был против диссертаций с известным концом. Его аспиранты проходили школу мучений и безысходности, когда эксперимент не удавался, синтез не шел, цифры не те получались... Но его аспиранты могли насладиться и мгновением Счастья: "получилось, потому что я знаю и умею, потому что это я сам узнал у Природы крупинку ее секретов". Пережить в молодости такое мгновение – это заложить фундамент своего дома своими руками. Редкое счастье. Право поступить в аспирантуру на кафедру надо было заслужить тщательной экспериментальной работой в НСК в течение 3-4 лет. Работали на кафедре после занятий почти ежедневно. Когда делали диссертации, то не было выходных и отпусков кроме разве что декретных. Да из "декрета" старались прибежать пораньше. Жуткий голод без работы, без общения друг с другом, без кафедры. Нас никто не заставлял так работать. Просто хотелось. Как Б.Н. удавалось возвращать из каждого ученика цветок особенный, неповторимый, при условии, что на кафедре всегда было 4-5 аспирантов, не очень понятно. Б.Н. любил читать лекции. Делал это умело и красиво. Студентам 2-го курса он успевал понятно рассказать не только механизмы реакций, но и обязательно сделать демонстрационный эксперимент, показать нужные слайды из доклада на международной конференции. Врач по базовому образованию, биохимик по самообразованию, естествоиспытатель, писатель и музыкант по любви и судьбе, он ценил слова Н.И. Пирогова: "Отделить учебное от научного в университете нельзя. Но научное и без учебного все-таки светит и греет, а учебное без научного, как бы ни было оно приманчиво, его внешность только блестит". Ученикам и сотрудникам мог так исправить работу, что за синими чернилами печатных букв не видно, но сотрудник выходил из кабинета с желанием сегодня же продолжить работу, а не бросить все сейчас же !??. Мог поставить и толковому студенту запросто плохую оценку, если тот "не соответствовал", несмотря ни на какие "телефонные" доводы начальства. Всегда был вежлив, доброжелателен с обслуживающим персоналом, всегда лично проверял, чисто ли в лабораториях, стоят ли цветы, удобно ли работать студентам и сотрудникам. Занятия синтезом тогда продолжались по 6 часов. Б.Н. умел все делать сам. Был приспособленным к быту. Однако нам всегда хотелось окружить его красотой и теплом. Учились японскому искусству составления букетов, чтобы на кафедре было красиво, а Б.Н. – приятно. Стараниями нашего художественно одаренного лаборанта Ларисы Филипповны живые цветы особой красоты и изящества были у него в кабинете почти всегда. Б.Н. хорошо играл на рояле, любил оперную музыку и романсы особенно в исполнении Г.Каревой. На традиционных праздниках кафедры он всегда танцевал и шутил... Однако Б.Н. умел "держать удар", и до последних минут своей жизни, несмотря ни на что, он работал... "Февраль, достать чернил и плакать...". 20 февраля 1980 года... Умер учитель... Хоронить его пришлось великое множество разных людей. В Институте биохимии АН СССР повсюду цветы. 70 наших кафедральных, почти черных, роз легло к его изголовью, нежно провожая Б.Н. ... Из нашей памяти безвозвратно уходят люди, события, образы...".
